

О духе еврейской поэзии
Введение для любителей ее и древнейшей истории
человеческого духа

Перевод с немецкого и комментарии *В.Н. Болдаревой, И.С. Вевюрко*

[Диалог I]¹

Алкифрон

Опять я застаю Вас за этим несчастным варварским языком! Вот ведь что делают впечатления юности, и как безнадежно мы с раннего детства жалеем старый хлам времени, что в жизни от него не отделаемся!

Евтифрон

Вы говорите прямо как один из новых просветителей, которые хотят освободить людей от всех предрассудков младенчества и, насколько возможно, от самого младенчества. Вы знаете этот несчастный варварский язык? и почему, стало быть, он Вам таким кажется?

Алкифрон

К сожалению, знаю его довольно, мучился с ним в детстве, да и до сих пор мучаюсь, когда в теологии, философии, истории – где угодно еще слышу отзвук его высокой бессмыслицы. Звон старых тимпанов и литавр, вкратце сказать, вся янычарская музыка дикого народа, которую полюбили называть восточным параллелизмом, звучит при этом в моем ухе, и я все снова вижу Давида, танцующего перед ковчегом Завета, или пророка, зовущего музыканта, чтобы тот его вдохновил².

Евтифрон

Кажется, Вы познакомились с языком, но не по любви.

Алкифрон

Последнее мне не под силу. Достаточно, что строго по методу, со всеми танцевальными правилами. Я мог в совершенстве цитировать правила, хотя и не знал их содержания.

Евтифрон

Тем более жаль! Я теперь понимаю, почему Вы к нему так недоброжелательны. Но, мой друг, разве ненавидят науку из-за дурного метода, в форме

¹ Перевод выполнен по изданию: *Herder I.G., von. Vom Geist der Ebräischen Poesie: Eine Anleitung für die Liebhaber derselben und der ältesten Geschichte des menschlichen Geistes. Dritte rechtmäßige, fortfällig durchgesehene und mit mehreren Zusätzen vermehrte Ausgabe / Hg. K.W. Justi. T. 1. Leipzig: Barth, 1825. 350 S. Все комментарии в сносках сделаны переводчиком.*

² Имеется в виду эпизод с пророком Елисеем (4 Цар 3:15).

которого мы имели несчастье впервые с нею познакомиться? Оцениваете ли Вы человека только по его одежде, тем более когда на него была надета чужая одежда?

Алкифрон

Не оцениваю! и я буду рад оставить все предрассудки, как только Вы покажете их как таковые. Мне, однако, кажется, что это будет непросто, поскольку я достаточно испробовал оба: язык и его содержание.

Евтифрон

Мы попробуем, и один из нас должен будет научить другого. Плохо обстояло бы дело с истиной, если бы люди не могли в ней соединиться; и я проклял бы все впечатления своей юности, если бы они со временем оказались для меня не более чем рабскими оковами. Но, Вы знаете, у меня не найдется юношеских впечатлений, которые я удержал бы из поэтического духа этого языка. Я учил его так же, как Вы; это длилось долго, пока я наконец не приобрел вкус к нему, пока не проникся постепенно этим духом, в котором он для меня теперь священный язык, мать наших благороднейших знаний и того раннего образования человека, что распространилось лишь на узкой полоске земли, и без нашей заслуги перешло также к нам³.

Алкифрон

Это сильно походит на обожествление.

Евтифрон

Никакого обожествления. Мы будем рассматривать его как человеческий язык, а его содержание только с человеческой точки зрения; да – чтобы Вы были уверены в том, что я Вас не опутываю, мы будем говорить о нем лишь как об орудии древней поэзии. Нравится Вам такая материя? она совершенно недвусмысленна.

Алкифрон

Не просто нравится – она мне в высшей степени отрадна. Я охотно говорю о древних языках, если о них говорится только с человеческой точки зрения. Они – форма, в которой человеческие мысли, хорошо или плохо, но были образованы: они представляют разнообразнейшие движения характера и воззрений отдельных народов, которые всегда познаются из сравнения с другими. Начнем же говорить о языке этих ближневосточных гуронов⁴; по крайней мере, их бедность обогатит нас и подведет к нашим собственным понятиям.

Евтифрон

Что вы сочтете необходимейшим для поэтического языка, принадлежит ли он гуронам или таитянам, – не действие ли, представление, страсть, напев и ритм?

³ Аллюзия на Рим 11:17–24.

⁴ Гуроны – индейское племя в Северной Америке.

Алкифрон
Разумеется.

Евтифрон

И тот язык, что сформирован преимущественно этими вещами, является преимущественно поэтическим языком. Вы знаете, мой друг, что языки достаточно необразованных народов могут быть поэтическими в высокой степени, что они даже опережают в этом некоторые языки народов образованных. Мне нет нужды напоминать Вам, среди какого народа пел Оссиан и какому времени принадлежит сам греческий Гомер.

Алкифрон

Отсюда еще не следует, что каждая варварская нация имеет своих Гомера и Оссиана.

Евтифрон

Может быть, иная имеет и больше; пусть только для себя, а не для других языков. Чтобы судить о народе, следует вникнуть в его время, землю, круг мышления и восприятия, видеть, как он живет, как воспитывается, на какие предметы смотрит, какие вещи страстно любит, каков его воздух, его небо, его телосложение, его танец, его музыка. Все это нужно исследовать не с точки зрения чужака или неприятеля, но с точки зрения брата и сородича; и тогда спрашивать, имеется ли у него Гомер или Оссиан своего рода, на свою потребу? Вы видите, как мало на земле народов, к которым мы подошли с таким исследованием или даже только можем подойти теперь. К евреям – безусловно можем: их поэзия перед нами.

Алкифрон

Но что за поэзия! и на каком языке! Как он несовершенен! как беден на собственные имена и определенные отношения вещей друг ко другу! Как непостоянны и неустойчивы времена его глаголов – поистине никогда нельзя быть уверенным, идет ли речь о сегодня, завтра или о том, что было тысячу лет назад или вперед. Прилагательные, которые дробятся так сильно, что их почти нет, и нужно довольствоваться сложением нескольких ничтожеств. Как сомнительно и притянута значение его корневых слов и как неестественны производные от них! Отсюда же жуткие катахрезы⁵, вымученные образы, чудовищные сочетания отдаленнейших понятий. Параллелизм их монотонен; это бесконечная тавтология, к тому же без соразмерности слов и слогов, которая бы хоть сколько-нибудь удовлетворяла слуху. *Aures perpetuis tautologiis laedunt*, сказал один великий знаток их, *Orienti iucundis, Europae invis, prudentioribus*

⁵ От греч. *κατάχρησις* (злоупотребление) – троп, нередко считающийся стилистической погрешностью, когда слово стоит в несвойственном ему значении либо сочетании («птичье молоко», «стеклянное море»). Трудно сказать, какие именно идиомы древнееврейского языка или библейские метафоры подразумевает полемист; в целом Гердер критикует здесь эстетическую оценку поэзии одних народов на основе поэзии других, при которой непривычное употребление тропов кажется «злоупотреблением».

stomachaturis, dormitaturis reliquis⁶, и это правда! Это вы видите во всех песнях и изречениях, которые дышат духом этого языка. Наконец, в нем совершенно нет гласных, так как они являются новейшим изобретением: он стоит как мертвый иероглиф, очень часто совсем без ключа и достоверности своего значения, по крайней мере без точного произношения и знания его древнего ритма. Что там говорить о Гомере и Оссиане? Это как если бы Вы хотели отыскать их в Мексике или на покрытых надписями камнях Аравии.

Евтифрон

Я Вам благодарен за прекрасную нить, которую Вы придали нашему разговору. Вы изложили такой богатый материал, поистине столь продуманный и хорошо упорядоченный, как можно было бы ожидать от знатока нескольких языков. Позвольте же сначала повести речь о строении языка. Не правда ли, Вы говорите, что действие и воображение есть сущность поэзии; какая же часть речи рисует действие, или, скорее, сама представляет его – имя или глагол?

Алкифрон

Глагол.

Евтифрон

Стало быть, речь, в которой много выразительных, красочных глаголов, есть поэтическая речь, и чем больше глаголов она может сделать из имен, тем она будет поэтичней. Одно имя представляет собой всегда только мертвую вещь: глагол приводит его в действие, он волнует чувство, потому что сам одушевлен духом. Вспомните, что Лессинг⁷ показал относительно Гомера, – что у него все есть шаг, движение, действие и что именно в этом состоит его жизнь, его действенность и сущность всей поэзии. Так вот: у евреев почти все глагол, то есть все живет и движется. Имена происходят от глаголов и сами словно все еще глаголы: они как живые существа, которые происходят и формируются непосредственно из действия своих корневых истоков. Заметьте, в новых языках, что значит для силы поэзии, что глаголы и имена еще не разошлись далеко, то есть когда те могут становиться этими. Вспомните английский, немецкий; язык, о котором мы говорим, как бы бездна глаголов, море из волн, где действие рокошет в действии.

Алкифрон

Однако, мне кажется, это изобилие должно было бы все же оставаться в отношениях с другими частями речи: ведь когда все становится действием, то нет, в конце концов, того, что действует. Субъект, предикат, связка – так называется это в логике.

⁶ «Уши ранят бесконечные тавтологии... Востоку любезные, Европе ненавистные, разумнейших они злят, а остальных усыпляют». Источник этой цитаты, предположительно, богослов-рационалист и востоковед Иоганн Давид Михаэлис, автор еврейской грамматики 1745 г. издания, отец известной Каролины Шеллинг (ср.: [Betz, 2012, p. 118]).

⁷ Речь идет, как следует из примечания к этой фразе, о сочинении Лессинга «Лаокоон», изданном в Берлине в 1768 г.

Евтифрон

Для логики такой порядок хорош, и для ее шедевра, силлогизма, необходимо; для поэзии не так, и стихотворение из силлогизмов никто не смог бы читать. В нем связь есть главное, а другие части выполняют работу только слуг или помощников. Итак, если я соглашусь, что для некоего отвлеченного мыслителя еврейский язык был бы не самым лучшим, то тем более подходит его деятельный строй для поэта. Все в нем взывает: «Я живу, двигаюсь, вершу. Меня создают чувства и страсти, не отвлеченные мыслители и философы: я предназначен для поэта, я сам весь – поэзия».

Алкифрон

Ну а что если вам нужны имена, например, имена прилагательные?

Евтифрон

Тогда они есть у вас: ибо каждый язык имеет то, в чем нуждается; только не о каждом следует судить по нашим нуждам. Сотен имен вещей нет в этом языке, поскольку этот народ не имел и не знал самих этих вещей; так же как в нем есть сотни других, которых нет у нас. Абстракциями он беден, но богат чувственными образами, и потому именно имеет такое множество синонимов для одной и той же вещи, что она называется и как бы рисуется всякий раз во всех ее связях со всеми сопутствующими чувственными обстоятельствами. Лев, меч, змея, верблюд обладают в ближневосточных языках, особенно самом развитом из них, арабском⁸, столь многими именами вследствие того, что каждое имя изображало вещь сначала в особенном виде, а после эти ручки слились воедино. В еврейском тоже очень заметно это изобилие чувственных обозначений, хотя нам и осталось от него так мало. Более 250 ботанических названий имеется в одной маленькой книге, каковы наши остатки от еврейских Писаний; притом Писаний со столь однородными сюжетами, в основном историческими или относящимися к храмовой поэзии; подумайте, как богат был бы этот язык, если бы мы имели его в поэтических произведениях, посвященных обычной жизни и всем сценам ее, хотя бы только в том объеме языковых средств, который есть в сохранившихся текстах. Может быть, здесь то же, что почти у всех древних народов: из потопа времен спаслось лишь столько, сколько Ной смог спасти в ковчеге.

Алкифрон

Мне кажется, спаслось достаточно много, так как в этих немногочисленных книгах само однообразие успеваешь неоднократно проявить себя. Но мы ушли от нашего разговора. Я вполне допускаю, что язык, о котором мы говорим, мог бы стать богаче в руках другого народа: так, как развит арабский, или как финикийцы смогли обзавестись достаточным количеством выражений для товаров и чисел. Но этот бедный народ пастухов и бродяг – в каком направлении он мог развивать свой язык?

⁸ Арабский язык фигурирует здесь как наиболее развитый, в том числе потому, что в нем была создана своя собственная грамматическая теория, на основе которой в Средние века в раввинских школах кодифицировалась и древнееврейская грамматика.

Евтифрон

В направлении, куда звал их дух и куда обращались их нужды. Было бы неправильно требовать от них финикийских списков товаров или арабской спекулятивности, так как они не торговали и не занимались умозрениями; но в самом языке должно было возникнуть это богатство, поскольку финикийский, арабский, халдейский⁹, еврейский – это в основе лишь один язык. На этом языке говорили с финикийцами, исмаильтянами¹⁰, египтянами, вавилонянами, в общем, образованнейшими народами Древнего мира, и, будучи как бы в средоточии всей культуры того времени, он воспринял, таким образом, от всех окружающих достаточно. Просуществуй он дольше, в нем все могло бы быть достигнуто, что достигнуто в арабском, который по праву может хвалиться как один из самых богатых и образованнейших языков, существующих в мире.

Алкифрон

В нем, однако, все, что могло быть достигнуто, было достигнуто раввинами.

Евтифрон

Да, не жемчужины, и, к сожалению, не в согласии с гением их древнейшего образования. Бедный народ был рассеян по миру: так большинство составляло себе способы выражения по гению тех языков, между которыми они жили, и это превратилось в жалкую смесь, о которой нам здесь не хотелось бы думать. Мы говорим о еврейском как о живом языке Ханаанской земли, причем лишь лучших и чистейших времен, до того, как он смешался с халдейским, греческим и прочими. Позвольте же расценить его по крайней мере как бедную, но красивую и чистую деревенскую девушку, как земледельческий и пастушеский язык: наряд, который она надевает за соседками, я бы охотно ей простил.

Алкифрон

Можно было бы расценить его именно так. Отдельные черты его простоты, в особенности что касается сцен природы, я в детстве чувствовал с радостью. Однако, мой друг, мне кажется, что этих черт все же так немного, все так однообразно повторяется: ничто не имеет очертаний; изображать в законченном виде, тонко вырисовывать их поэты совсем не могут.

Евтифрон

А мне кажется, что они изображают как немногие наши поэты – не тонко или утонченно, но сильно, цельно, живо. Мы говорили об их глаголах: они всецело действие и движение; сами по себе корни суть образ и восприятие. Имена, еще наполовину глаголы, часто суть действующие существа, и являются в некоем непрестанном олицетворении. Их местоимения бросаются в глаза, как во всяком языке страстей. Нехватку прилагательных они замещают сопряжением других слов, так что получившееся снова становится самой вещью,

⁹ «Халдейским» Гердер, по традиции, называет арамейский язык.

¹⁰ «Исмаильтянами», в соответствии с библейской этимологией, называются арабы как потомки Исмаила.

как бы особенным деятельным существом. По-моему, все это делает язык таким поэтичным, как едва ли какой другой на земле.

Алкифрон

Будет лучше говорить об этом на отдельных примерах: начните с корней, глаголов.

Евтифрон

Корни его глаголов, как я сказал, суть образ и чувство, и я не знаю языка, где простое и легкое сочетание одновременно было бы так чувственно и замечательно. Но я поправлю себя: не для того уха чувственно и замечательно, которое привыкло только к звукам северных языков. Однако Вам, мой друг, знающему образование греческих имен, едва ли будет трудно сделать еще один шаг и прочувствовать, разумеется, более сильное, но тем самым еще не более грубое, словотворчество Востока. Я снова повторяю: в их выразительнейших словах есть образ и чувство; этот язык образован полной грудью, с еще нерас-траченными сильными голосами, но под чистым и легким небом, с острым взглядом, всегда как бы схватывающим саму вещь, и почти никогда не лишенным следа страсти.

Алкифрон

Образ и ощущение? Покой и страсть? Сильные и, однако, легкие звуки? Само их соединение странно.

Евтифрон

Что ж, тогда разделим их. Все северные языки подражают звукам природы, но грубо, как бы только извне. Они трещат, шумят, шипят, хрустят как сами предметы; мудрые поэты используют это с большой бережливостью; плохие злоупотребляют. Причина этого лежит очевидно в климате и в голосе, в том, где и кем язык первоначально формируется. Чем южнее, тем чище становится подражание. Самые звонкие стихи Гомера не трещат и не шипят: они звучат. Эти слова уже прошли через некоего тончайшего посредника, ощущение, и образуются как бы в области сердца. Они, таким образом, дают не грубые изображения звуков, но изображения, на которых чувство оставило свою нежнейшую печать, преобразуя его в самой его внутренности. В этом соединении внутреннего чувства и наружного изображения – в звуке, в корне глаголов, как я сказал, южные языки суть образец.

Алкифрон

Ради Бога, это варварское хриплое горло и гортанные звуки! И Вы смеее сравнить его с греческим серебристым звучанием?

Евтифрон

Я не сравниваю: любой язык страдает при таком сравнении. Ничего нет более национального и индивидуального, чем это удовольствие для ушей, так же как эти характерные изгибы органов речи. Мы, в конце концов, полагаем утонченность в том, чтобы образовывать звуки в пространстве между языком и губами и поменьше, – как бы боясь наглотаться дыма и тумана, – открывать

рот: климат, нравы и привычки формируют это, сам язык мало-помалу образован этим. Итальянец, а тем более грек, так не думает: язык одного полон круглых гласных, другого – дифтонгов, оба говорят *ore rotundo* и не стискивая губ. Восток извлекает звук глубже из груди, из сердца, он говорит как бы так, как восклицал Елиуй:

Я полон речами,
и дух во мне теснит меня.
Вот, утроба моя, как вино неоткрытое:
она готова прорваться, подобно новым мехам.
Поговорю, и будет легче мне;
открою уста мои и отвечу¹¹.

Когда эти уста открывались, это был, конечно, живой звук, образ вещи в дыхании чувства; и в этом, я думаю, дух еврейского языка. Он исполнен дыхания души: он звучит не как греческий, но он дышит, он живет. Таков он для нас, не полностью знающих его произношение и оставляющих без артикуляции его самые низкие горловые буквы; в древние, дикие времена какой полнотой души, каким дыханием живого слова должен был он вдохновляться. Это было, как они это называли:

Духом Божьим, что говорил в них,
Дыханием Вседержителя, что оживляло их¹².

Алкифрон

Опять нам лишь немного не хватает до обожествления; впрочем, пусть будет так, как Вы говорите, с восклицанием, которое, выражая ощущение, само собой преобразовывалось в созерцание и чувство вещи. Но что сказать о производных от этих корневых слов? Не суть ли они разросшийся терновый кустарник, как бы на некоем острове, которого не касалась нога человека?

Евтифрон

В плохих словарях – конечно, причем некоторые из учнейших голландских филологов¹³, с топором и секирой в руке¹⁴, усложнили нам путь; но придет время, когда этот заросший кустарник станет желанной пальмовой рощей.

Алкифрон

Вы употребили метафору во вполне ближневосточном вкусе.

¹¹ Иов 32:18–20.

¹² Ср. Иов 33:4.

¹³ Трудно сказать, кого именно Гердер здесь имеет в виду. Голландская гебраистика уже в течение XVII в. достигла впечатляющих результатов на пути сравнительного и ретроспективного (с максимальным учетом позднейших источников) изучения библейского языка [Van Miert, 2018]. Возможно, эта ретроспективность и производила на Гердера впечатление искусственного и схоластицизирующего метода, не дающего пробиться к первоначальным значениям слов.

¹⁴ Аллюзия на Пс 73:6.

Евтифрон

Таков сам предмет. Корень слова-матери будет находиться в центре, и вокруг нее молодняк ее отпрысков. В словарях придут через вкус, усердие, здравый смысл и сопоставление разных диалектов к тому, что, различая основное и случайное в значениях, отыскивая плавные переходы, и также опознавая в происхождении этих слов, в употреблении метафор подлинную находчивость человеческого духа, проникнут в логику иносказания прежних времен. Я радуюсь тому времени и тому первому словарю, в котором это будет сделано в превосходной степени; сейчас я изучаю лучшее, что мы имеем: Кастеллуса, Симона, Кокцеюса, а также их многочисленных пособников: Шультенса, Шредера, Шторра, Шайда¹⁵ и тех, кто по отдельности или вместе с другими содействует этому.

Алкифрон

Значит, вероятно, еще требуется время, прежде чем можно будет прогуляться по Вашей пальмовой роще восточного словаря. Не хотите ли Вы пока дать пример такого словопроизводства?

Евтифрон

Вы найдете его всюду, где есть эти словари. Отыщите первый корень и смотрите, как плавно видоизменяется корневое слово «нисшел»¹⁶. Ряд выражений потерь, утрат, смерти, несбывшихся намерений, пустого усилия и труда плавно выходит из него; и когда они во время странствия, отбытия проходят через все положения пастушеской жизни, то даже в отдаленнейшем значении еще звучит что-то от первобытного звука слова, образа первого чувства. Это делает язык столь чувственным, поэтическое выражение столь современным и трогательным! Таких корней полон этот язык, и наши комментаторы, которым легче ступать слишком жестко, чем слишком мягко, показывают их достаточно. Они не могут удержаться, они должны, где возможно, обнажить все корни и жилы каждого дерева, даже там, где хочется видеть только его цветы и плоды.

Алкифрон

Это, стало быть, негры Вашей пальмовой плантации.

Евтифрон

Очень необходимые и полезные люди! Давайте их поддержим, потому что, даже если они делают слишком много, они делают это с лучшими намерениями. Имеете ли Вы еще что-либо против еврейских глаголов?

Алкифрон

Весьма многое. Что это за действие, которое вовсе не различает времени? Так как в сущности оба времени еврейского языка – это аористы, т. е. неопре-

¹⁵ Перечислены имена библейских филологов XVII–XVIII вв., работавших в строго филологическом (в отличие от «мистического» и «схоластического») направлении.

¹⁶ Гердер имеет в виду, очевидно, глагол נָפַד *йарад* (спускаться, снижаться, сходить, пропадать) в его словарной форме 1-го лица единственного числа.

деленные времена, которые витают между прошедшим, настоящим и будущим; так что у них есть, в лучшем случае, лишь одно время.

Евтифрон

А поэзии нужно ли больше? В ней все – настоящее, она есть изображение действия, которое могло бы быть в прошлом или в будущем, а могло бы и длиться. Для истории этот недостаток, который Вы заметили, мог бы стать весьма существенным; то же и языки, которые любят определенность времени, которые образованы в большей мере в стиле истории. У евреев эта история сама есть поэзия, т. е. традиция некоторого рассказа, который рассказывается также как бы о настоящем: итак, эта неопределенность или сбивчивость времен непосредственно содействует очевидности, светлой и ясной действительности того, что описывается, повествуется или провозглашается. Разве это не в высшей степени поэтично? Вы никогда, мой друг, не чувствовали, как под стилосом поэта или пророка прекрасно чередуются времена; как то, что сказано одним полустихием в прошедшем времени, другое выражает в будущем? Второе делает современность предмета как бы длящейся и вечной, тогда как первое придает речи достоверность минувшего, будто все уже совершилось. Одно время распространяет слово, другое возвращает; итак, уху доставляется удовольствие чередования вместе с чувством действительности изображаемого. Прибавьте к этому, что евреи подобно детям хотят сказать все сразу, что они выражают в одном звуке лицо, число, время, действие и еще более: как неслыханно много привносится этим во мгновенное представление одного лишь образа! Они говорят посредством одного слова то, для нас часто требуется пять или более слов. У нас перед и после слов плетутся мелкие, часто безударные частицы; у них все примыкает созвучием или сонорным окончанием к главному понятию. Оно стоит в середине, как царь; его служители и рабы, вплотную к нему, даже составляя с ним одно, хором образуют маленький метрический отрезок. – Вам кажется, это ничто для поэтического языка? Звучные глаголы, дающие зараз так много понятий, это прекрасная сила ритма и образа. Когда я словам «wie er mir gegeben hat»¹⁷ могу дать выступить в одном красивом звучании, не поэтичнее и не красивее ли это, чем когда я привожу их отдельно и раздробленно?

Алкифрон

На глаз я иногда воспринимал этот язык в качестве собрания буквоначертаний, которые нужно расшифровывать почти как китайское письмо. Я часто жалел, что дети или юноши, которые вынуждены учить его, не были приобщены раньше к этой расшифровке, анализу глазами, что сделало бы для них больше, чем некоторые грузные правила. Мне встречались в книгах примеры молодых людей, в особенности наделенных более чувствительной силой зрительного восприятия, которые в короткое время очень далеко ушли по этому пути; с нами обоими не случилось этой удачи...

¹⁷ Гердер приводит немецкое выражение со значением «как он дал мне», которое само по себе не имеет смысла в его тексте, но противопоставляется более краткому ивритскому *ше-натан-ли* или *ашер-натан-ли*.

Евтифрон

Она случится у нас мало-помалу, если мы приучим к этому глаза и уши вместе. Тогда Вы заметите, как благозвучно распределяются гласные и согласные, как хорошо подходят многие частицы и префиксы к своим значениям. В частности, посредством этих немногих на разные лады интонируемых слов метрические отрезки определяются относительно друг друга: оба двустипия приходят в один вид симметрии, где слово стоит напротив слова, понятие напротив понятия в некоем чередовании, которое одновременно есть параллель, в некоем хотя свободном, но очень простом и благозвучном ритме.

Алкифрон

Тут Вы подходите к этому хваленому параллелизму, где я едва ли стану придерживаться Вашего мнения. Кто имеет что-нибудь сказать, пусть говорит это сразу или правильно разворачивает картину; но пусть не повторяется бесконечно. Кто должен проговорить каждую вещь дважды, показывает этим, что в первый раз он сказал наполовину и несовершенно.

Евтифрон

Вы никогда не видели танца? И ничего не слышали о хоровом пении греков, строфах и антистрофах? Что если поэзия евреев была таким танцем, более коротким и простым хоровым пением?

Алкифрон

Прибавьте к этому цитру, литавры и тимпаны, и получится полноценный танец дикарей.

Евтифрон

Что ж, если он и был им? Название не должно пугать, если сама вещь хороша. Ответьте сами. Не держится ли весь ритм, танец и благозвучие, я бы сказал даже вся грация, на образах в той же мере, как на тонах и симметрии? Притом на самой легкой для восприятия симметрии – на простоте и равномерности?

Алкифрон

Я не стану это отрицать.

Евтифрон

И не является ли еврейский параллелизм простейшей соразмерностью в элементах стиха, образах и тонах? Слоги еще не приведены к единообразному произношению¹⁸, не измеряются¹⁹ и еще даже не везде считаются²⁰; но симметрию в них может воспринять даже простейшее ухо.

¹⁸ В библейском тексте одна и та же корневая согласная буква может принимать разные огласовки без изменения формы слова.

¹⁹ В отличие от греческого гекзаметра, в древнееврейской поэзии не выявлено чередование кратких и долгих гласных.

²⁰ Библейский стих, как правило, не имеет установленного размера.

Алкифрон

Но должно ли это происходить за счет понимания?

Евтифрон

Давайте сначала закончим обсуждать удовольствие слуха. Все силлабические структуры греков, искуснейшие и прекраснейшие из когда-либо порожденных языком, основаны на соразмерности и гармонии. Гекзаметр, которым исполнялись в пении древнейшие стихотворения, есть не что иное, как последовательно чередующий тоны параллелизм. Чтобы убедиться в этом еще вернее, приведем в пример особенно излюбленный в элегиях пентаметр, который в своих полустушиях, очевидно, также является параллелизмом²¹. Самые прекрасные и естественнейшие роды песнопений существуют через параллелизм, так что почти можно сказать: чем более слышим в некоей строфе наряду со звучным чередованием более легкий параллелизм, тем приятнее строфа. Я могу Вам привести в пример хотя бы сапфическое или алкеево стихосложение или хориямб. Все эти силлабические структуры суть искусные закругления, красиво сплетенные венки из слов и тонов; на Востоке обе эти нити жемчуга еще не свиты в единое ожерелье, они просто висят друг подле друга. От хора пастухов не ожидают дедалова или тесеева танца-лабиринта: они отвечают друг ко другу или ликуют, они танцуют друг напротив друга. Мне кажется, и эта простота по-своему прекрасна.

Алкифрон

А какая красота усматривается в смысле этого параллелизма?

Евтифрон

Оба эти звена подкрепляют, возвышают, утверждают друг друга либо ради поучения, либо для радости. В ликующих песнях это очевидно; в жалобных мелодиях – такова природа вздохов и воплей. Ритм дыхания одновременно укрепляет и утешает душу: другая часть хора соучаствует в наших страданиях, становится эхом, или, как говорят евреи, дочерью голоса²² нашей боли. В учительных песнопениях одна притча подтверждает другую: это как если бы отец говорил к сыну, а мать повторяла. Речь таким образом становится особенно правдивой, сердечной и доверительной. В амебейном пении²³ любви дана сама любовь, которая хочет наговориться вволю, совершить обмен сердцем и мыслью. Короче, столь простодушная сестринская связь существует между этими двумя звеньями чувства, что я хотел бы приложить к ним нежную еврейскую песнь:

Как хорошо и как приятно
жить братьям вместе!
Это – как драгоценный елей на голове,
стекающий на бороду,

²¹ Элегическое двустушиие у греков состояло в чередовании гекзаметра и пентаметра; в свою очередь, пентаметр делился цезурой на две равные половины.

²² «Дочь голоса» (*бат коль*) – древнееврейская идиома со значением «отголосок».

²³ Амебейное (от греч. ἀμοιβᾶτος *чередующийся*) – пение, чаще всего народное, аналогичное антифонному.

бороду Ааронову –
стекающий на края одежды его;
как роса Ермонская,
сходящая на горы Сионские,
ибо там заповедал Господь
благословение и жизнь навеки²⁴.

Алкифрон

Великий защитник параллелизма! Однако, если ухо к нему и навькнет, как быть с пониманием? Оно здесь только и делает, что удерживается и не продвигается.

Евтифрон

Для одного только понимания поэзия не говорит, но прежде всего и непосредственно для чувства. И не любит ли оно параллелизм? Когда бьется сердце, течет волна за волной, это и есть параллелизм. Здесь никогда не говорят до конца, но всегда имеют сказать нечто новое. Как только первая волна плавно опускается или бурно разбивается о скалы, возвращается вторая волна. Биение пульса естества, это дыхание чувства присутствует в каждом высказывании аффекта, и неужели Вы не хотели бы от поэзии, чтобы она была собственной речью аффекта?

Алкифрон

А что если бы она пожелала и была должна стать речью понимания?

Евтифрон

В таком случае она разворачивает образ и показывает его с противоположной стороны. Она разворачивает притчу и проясняет ее, или запечатлевает ее в сердце: вновь параллелизм. Какое стихосложение, по-Вашему, приложимо в немецком к назидательной поэзии как лучшее?

Алкифрон

Бесспорно, александрийский стих²⁵.

Евтифрон

И он целиком есть параллелизм; если Вы исследуете точно, почему он так хорошо приспособлен к запечатлению в памяти учения, Вы найдете, что это как раз из-за параллелизма. Его полны все простые песни и церковные песнопения, и самая рифма, великое наслаждение для северного уха²⁶, есть ведь развитее параллелизма.

²⁴ Гердер цитирует Пс 132/133, который мы приводим по синодальному переводу, неточно, видимо, стараясь до некоторой передать ритм древнееврейского стиха: *Wie lieblich ist's und angenehm, / daß Brüder mit einander wohnen! / Wie sanftes Oel aufs Haupt hinab, / wie es hinab die Wange fließt, / hinunter fließt die Wange Aarons – / und rinnt zu seines Kleides Saum, / wie Hermons Thau hernieder rinnt / die Berge Israels zu segnen / zu segnen ewiglich.*

²⁵ Александрийским назывался торжественный двенадцатисложный французский стих, употребительный в эпоху классицизма в переводах античного эпоса, назидательных поэмах, одах и трагедиях. В русской поэзии XVIII в. представлен В.К. Третьяковским, А.П. Сумароковым, Я.Б. Княжнинным, Е.И. Костровым и др.

Алкифрон

Рифму нам принесли выходцы из полуденных стран, как, не в меньшей степени, и однообразное церковное пение. Ту ввели сарацины²⁷, а это – доксология²⁸; без них мы бы до сих пор были обделены тем и другим.

Евтифрон

Вы полагаете? Задолго до сарацин рифмы появились в Европе: ассонансы перед словами и после них, к которым привыкло народное ухо и которые выдерживал его язык. И древние греки тоже имели столь простые гимны и песни для хора, какими только могут быть наши церковные песнопения. Пожалуй, еврейский параллелизм обладает перед нашими северными языками лишь тем преимуществом, что малыми словами прекрасно упорядочивает каждый отрезок речи, дабы затем дать ему красиво прозвучать в воздухе; из-за этого для нас он почти непереволим. Нам часто нужны десять слов там, где они обходятся тремя, причем эти маленькие слова растягиваются и соединяются друг с другом, а прерывается пение от гнева или утомления²⁹. Итак, нам следует не столько подражать этому параллелизму, сколько изучать его. В нашем языке мы вынуждены делать образы более пространными, вместе с тем округляя их словесные конструкции, так как мы имеем привычку к счету слогов, выработанному греками и римлянами. Но в переводе с восточных языков этот счет следует оставить: с ним теряется бóльшая часть первоначального содержания, достоинства и высоты языка. Вот как звучит здесь речь:

Он сказал, – и сделалось;
Он повелел, – и явилось³⁰.

Алкифрон

Односложная краткость представляется мне, однако, тоже возвышенной.

Евтифрон

Односложный лаконизм не является ни дружелюбным, ни поэтичным. Даже в случае с монаршим повелением нам хочется видеть его исполнение, так что здесь опять возникает параллелизм: повеление и следствие. В конце концов, краткость еврейского языка делает сам параллелизм почти всегда

²⁶ Гердер иронизирует над пристрастием к рифме новоевропейской поэзии, которого не знали классические образцы. Тем самым он демонстрирует относительность эстетических предпочтений, обуславливающих пренебрежительные отзывы его оппонентов о древнееврейском стихосложении.

²⁷ Сарацины – первоначально, в греко-римских источниках, бедуины, кочевавшие на краю Сирии. В эпоху Крестовых походов этим именем в Европе называли всех мусульман.

²⁸ Доксология – славословие (греч.); здесь указывается на греческое происхождение церковного пения, что фактически верно (ср. *Августин. Исповедь IX. VII. 15*).

²⁹ Вероятно, Гердер хочет сказать, что длина ритмической единицы (колона) в традиционных практиках чтения и пения определяется тем, насколько должно хватить воздуха после вдоха.

³⁰ Цитируется Пс 32/33:9 в переводе Лютера. Примечательно, что автор римского времени пс.-Лонгин в трактате «О возвышенном» приводит похожий стих из книги Бытия как пример возвышенности древнееврейского слога.

монаршим повелением³¹. Он не знал ничего подобного счету слогов в периодах греческой или латинской ораторской речи. Дыхание его духа издавало немногие слова; они выстраивались друг за другом, и, поскольку этот язык имел столь однообразные флексии, они были похожи друг на друга и становились ритмом по самому своему звучанию, положению каждого слова и общему сходству для восприятия. Оба полустипа становились словом и делом, сердцем и рукой, или, как это называют евреи, входом и выходом, так что получался легкий тоновый строй. Вы все еще имеете что-то против параллелизма?

Алкифрон

Нет, я имею еще кое-что за него. Ибо со стороны понимания я часто благодарил небо за то, что он есть. Где бы мы были с нашим толкованием столь многих темных слов и выражений, если бы он не указывал нам путь? Он подобен голосу друга, который в густом лесу кричит издали: «Здесь, здесь живут люди!» Но, конечно, старые уши глухи к этому голосу. Они принимают эхо за самого человека и всегда пытаются отыскать во второй части стиха новый чудный смысл³².

Евтифрон

Оставьте их искать, а мы будем держаться правильной дороги. Что касается густого леса, я думаю, Вы преувеличиваете, так как Вы, если помните, в начале нашего разговора называли еврейский язык мертвым иероглифом без гласных и даже вовсе без ключа. Действительно ли Вы думаете, что народы полуденных стран писали совершенно без гласных?

Алкифрон

Так многие говорят.

Евтифрон

Тогда они говорят нечто самопротиворечивое. Кто станет писать буквы без дыхания, которое их одушевляет? Ведь от последнего все зависит, и оно, в сущности, может быть записано таким же способом, каким нотируется разнообразие органнх звуков. Когда достигнуто более сложное, не опускают более простого, притом что от него зависит цель всего предприятия.

Алкифрон

Где же тогда эти гласные?

Евтифрон

Почитайте об этом в книге, где данный вопрос освещен отчетливо, как и многие другие вопросы еврейской древности³³. Я говорю о первом введении

³¹ Ср. у Вико: «Патриархи, основавшие этот язык, должны были давать приказания в своих семьях именем единого Бога» [Вико, 2018, с. 267].

³² Речь идет об одном из приемов аллегорической интерпретации, а именно восприятию любого удвоения в тексте Библии как показателя наличия двойного смысла. См.: [Саврей, 2006, с. 292].

³³ Согласно примечанию, речь идет о «Введении в Ветхий Завет» Иоганна Готфрида Эйхгорна, изданном в 1780 г. в Лейпциге.

в еврейский язык и письменность, соединившем вкус и ученость в одинаковой степени. Определенные, хотя немногочисленные гласные (ибо те, что мы имеем сейчас, несомненно, изобретены раввинами³⁴), вполне вероятно, были, а *matres lectionis*³⁵, я полагаю, являются лишь их сохранившейся частью. Конечно, в столь древние времена не так уж следили за грамматической пунктуальностью: произношение было, вероятно, таким же произвольным, как в старонемецком языке по замечанию Отфрида³⁶. Создал ли кто-нибудь алфавит для каждого гласного звука всех наших диалектов? И нуждается ли в нем кто-то? Есть лишь общие для всех знаки, а звуки каждый модифицирует в соответствии со своим речевым органом. Значительная часть правил нашей грамматики в чередовании гласных, образовании спряжений и т. п., я боюсь, просто пустой звук.

Алкифрон

И все же юность мучается с ними. Я никогда не мог себе представить, что столь грубый язык, как еврейский, заключает в себе так много сообразного правилам, в том числе в значениях отличных друг от друга спряжений, которые юношей заставляют искать в каждом слове до посинения. В действительности они содержат множество аномалий и дефектов. Большая часть их взята из других ближневосточных языков, в соответствии с которыми раввины полюбили модифицировать свой. В маленькую еврейскую палатку вносилось все, что только можно.

Евтифрон

Здесь тоже не нужно преувеличивать. Искусственную форму языка постичь хорошо, и для нас теперь необходимо, хотя и почти невероятно то, что она существует с древних времен и каждый еврей представлял ее одним и тем же образом. Как мало даже среди наших писателей таких, которые держат в голове целый формальный строй своего языка до последней флексии, чтобы не допускать отклонений! И как меняется строение языка с течением времени! Хорошо, что мы наконец становимся мужами, которые думают о грамматике и этого языка.

Алкифрон

И мне кажется, каждый должен сам создать для себя философскую грамматику. Пусть оставит в стороне гласные и другие указатели для чтения; таким образом спряжения окажутся намного ближе друг к другу; не нужно будет семь раз переворачивать слово в горле, пока оно не обретет форму.

³⁴ Речь идет об огласовках, принятых в средневековых и современных изданиях Масоретского текста Ветхого Завета, действительно, введенных в раввинских школах.

³⁵ «Матери чтения» (лат.) – наименование букв ם «вав» и ך «йуд» в грамматике иврита, когда они выступают не в качестве согласных, а как указатели гласных звуков [o], [y] и [i]. Такое их употребление в древнееврейской письменности нерегулярно.

³⁶ Отфрид Вейсенбургский (IX в.) – ученый монах, поэт, писавший на древневерхненемецком языке.

Евтифрон

На этом пути, однако, можно сделаться вторым Масклефом или Хатчинсоном³⁷. Не лучше ли упражнять глаза в созерцании парадигм, а уши – в распознавании живых звуков, приспособляя их друг ко другу? Так можно будет проникнуть в гений языка, сокращая для себя путь правил. Язык перестанет быть для нас школьным и раввинским, но станет древнееврейским, т. е. языком поэзии. При помощи стихов пробуждают детей и вознаграждают юношей, и я уверен, что не только дети, но и старики любили бы свою Библию, как того же Гомера или Оссиана, если бы знали, что в ней есть.

Алкифрон

Может быть, полюблю и я, если Вы будете сопровождать меня, как теперь.

Евтифрон

Давайте попробуем осуществить это во время прогулок, лучше всего в утренние часы. Поэзия евреев звучала под открытым небом, и по возможности перед лицом утренней зари.

Алкифрон

Почему именно так?

Евтифрон

Потому что она сама была утренней зарей мирового просвещения, и сейчас еще остается настоящим детством нашего рода. В ней можно видеть самые ранние впечатления, самые простые представления человеческой души, ее элементарные связи и магистрали. Если бы человек не верил ни во что из ее чудесного содержания, он должен был бы верить присущему ей естественному языку, так как он бы чувствовал его; ему должны были бы нравиться первые воззрения на вещи, так как он бы учился о них. В ней перед ним предстала бы ранняя логика чувства, простейшая аналитика и мораль, короче говоря, древнейшая история человеческого духа и сердца, – если бы на ее месте была даже поэзия каннибалов, то ради вышесказанного Вы разве не считали бы ее ценной?

Алкифрон

Итак, увидимся утром.

Евтифрон

А перед тем прочитайте, пожалуй, стихотворение о том, какое это чудо и благодеяние, что существует язык, звучащий для нас из столь ранних времен³⁸.

³⁷ Франсуа Масклеф и Джон Хатчинсон – видные гебраисты начала XVIII в., выступавшие против употребления огласовок в грамматике библейского иврита.

³⁸ Непосредственно после первого диалога помещено стихотворение «Язык и письмо», частично представляющее собой перевод Гердера с английского поэтического введения к «Творениям каледонских бардов, переведенным с гальского языка» (т. 1, Эдинбург и Лондон, 1778) – литературной мистификации Джона Кларка. См.: [Левин, 1980, с. 14–15].